

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.А. Кислицына

*д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕРАВЕНСТВЕ И ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИТИКЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ В РОССИИ

Аннотация. Экономическое неравенство является фундаментальной социальной проблемой. Политика правительства по перераспределению доходов может смягчить растущее неравенство, используя налоги и социальные трансферты. Тем не менее попытки ввести альтернативные налоговые схемы регулярно сталкиваются с серьёзным политическим сопротивлением. В настоящем исследовании делается попытка ответить на следующие вопросы: 1) что россияне думают об экономическом неравенстве, неравенстве возможностей и роли правительства в смягчении проблем, связанных с неравенством?; 2) какие индивидуальные характеристики определяют предпочтения людей относительно государственной политики перераспределения?; 3) как восприятие экономического неравенства и неравенства возможностей связано с отношением людей к государственной политике перераспределения? Использовались данные Модуля социального неравенства Международной программы социальных исследований (International Social Survey Program — ISSP) 2019 г. Статистический анализ проведён с помощью порядковых моделей логистической регрессии. Полученные результаты позволили сделать ряд выводов. Во-первых, установлено, что государственная политика по ограничению существующего неравенства пользуется довольно широкой поддержкой населения. Во-вторых, доказано, что общественная поддержка политики перераспределения в России может происходить из двух источников: а) личный интерес, связанный с собственным социально-экономическим или другим состоянием людей; б) их социальные убеждения. Последствия фактора социальных убеждений относительно неравенства могут быть более важными, чем воздействие социально-экономического статуса (СЭС): даже люди с высоким СЭС могут поддержать прогрессивную политику налогообложения, когда они признают значение неравенства. В-третьих, показано, что среди индивидуальных социально-демографических факторов решающими в процессе формирования отношений к политике перераспределения являются пол, возраст, семейное положение, уровень религиозности, политические убеждения.

Ключевые слова: *неравенство, социальная политика, общественное мнение, предпочтения политики перераспределения, ответственность правительства, Международная программа социальных исследований, Россия.*

JEL: D63, H23, H53, I31

УДК: 336.2, 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59

© О.А. Кислицына, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Кислицына О.А. Представления о неравенстве и отношение к политике перераспределения доходов в России // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 50–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59.*

FOR CITATION: *Kislitsyna O. Perceptions of Inequality and Attitudes towards Income Redistribution Policies in Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 50–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_50_59.*

Введение

Экономическое неравенство — фундаментальная социальная проблема, представляющая угрозу для экономического развития, политической стабильности и социального благополучия людей [Keefer, Knack, 2002; Wilkinson, Pickett, 2009; Стиглиц, 2015; Лукетти, 2016; Миланович, 2017; Wilkinson, Pickett, 2017]. Правительство может смягчить растущее экономическое неравенство, проводя политику перераспределения доходов с помощью налогов и социальных трансфертов. Однако фундаментальным вопросом является то, в какой степени государство должно участвовать в перераспределении доходов для сокращения экономического неравенства [Kim, Lee, 2018]. Известно, что общественная поддержка эгалитарной политики является важной силой в деле продвижения политики перераспределения. Потому столь важно понимание того, какие меры политики по сокращению неравенства встретят такую поддержку. Выявление таких мер — важный первый шаг на пути к определению эффективных стратегий для их реализации.

Литература об отношении к неравенству и предпочтениях политики перераспределения очень богата как на индивидуальном, так и на межстрановом уровне. Однако причины, по которым граждане поддерживают меры по перераспределению доходов или выступают против них, остаются плохо понятыми [Fong, 2001].

Одно из объяснений сосредоточено на личном интересе. Теория личного интереса предполагает, что поддержка политики перераспределения зависит от веры человека в то, что он выиграет от проведения такой политики или, по крайней мере, не пострадает от неё (см., например, [Corneo, Gruner, 2002; Blekesaune, Quadagno 2003]). Статус (с точки зрения образования или профессии), принадлежность к социальному классу, доход являются важными факторами индивидуальных предпочтений в отношении политики перераспределения (см., например, [Corneo, Gruner, 2002; Gijsberts, 2002; Franko, Tolbert, Witko, 2013]).

Факторы, связанные с поддержкой перераспределения, включают также более комплексные понятия, такие как культура, ценности и убеждения. Это, например, политические взгляды [Franetovic, Castillo, 2022], религия [Scheve, Stasavage, 2006], доверие к налоговой системе [Alm, Torgler, 2006], доверие к политической системе [Franetovic, Castillo, 2022]. Индивидуальные убеждения о причинах экономического неравенства влияют на отношение людей к политике перераспределения и могут даже перевешивать личный интерес [Linos, West 2003; Alesina, La Ferrara, 2005; Pittau, Massari, Zelli, 2012]. Убеждения, согласно которым неравенство и богатство вызваны контролируемым человеком факторами (например, усердный труд, заслуги) имеют тенденцию уменьшать поддержку перераспределения, тогда как убеждения, подчёркивающие роль внешних, не зависящих от человека, факторов для достижения успеха (например, социальное происхождение, удача) часто способствуют поддержке политики перераспределения [Weiner, Osborne, Rudolph, 2011; McCall, 2013].

Большая часть существующих исследований сосредоточена на ситуации в европейских странах и США. Эмпирические исследования по этой теме в контексте России немногочисленны (см., например, [Ravallion, Lokshin, 2000]), хотя Россия стабильно входит в группу стран со значительным неравенством доходов.

Чтобы восполнить этот пробел в знаниях, настоящее исследование пытается ответить на следующие вопросы: 1) что россияне думают об экономическом неравенстве, неравенстве возможностей и роли правительства в смягчении проблем, связанных с неравенством?; 2) какие индивидуальные характеристики определяют предпочтения людей относительно государственной политики перераспределения?; 3) как восприятие экономического неравенства и неравенства возможностей связаны с отношением людей к государственной политике перераспределения?

Данные и методы

В этом исследовании использовались данные Международной программы социальных исследований (International Social Survey Program — ISSP)¹ за 2019 г., посвящённые теме социального неравенства и охватившие в России 1582 респондентов в возрасте от 18 лет.

Зависимые переменные: предпочтение политики перераспределения

Рассматриваются два аспекта предпочтения политики перераспределения: а) предпочтение государственного вмешательства в сокращение неравенства; б) предпочтение прогрессивного налогообложения.

Для оценки предпочтения государственного вмешательства в сокращение неравенства участников обследования попросили указать, в какой степени они согласны или не согласны со следующим утверждением: «Правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах между людьми с высокими доходами и с низкими доходами». Ответы включали 5 категорий: «Категорически не согласен» (перекодирован как 1), «Не согласен» (2), «И согласен, и не согласен» (3), «Согласен» (4) и «Полностью согласен» (5).

Для оценки предпочтения прогрессивного налогообложения респондентов спросили: «Считаете ли вы, что люди с высокими доходами должны платить большую часть своих доходов в виде налогов, чем люди с низкими доходами?». Ответы включали оценку по пятибалльной шкале: «Намного больше» (перекодирован как 5), «Больше» (4), «Такой же» (3), «Меньше» (2), «Намного меньше» (1).

Таким образом, первый вопрос фокусируется на роли правительства, не конкретизируя её, а второй акцентирует внимание на конкретной политике.

Зависимые переменные являются порядковыми мерами: более высокие баллы указывают на большую поддержку политики перераспределения.

Восприятие неравенства

Предпочтение политики перераспределения должно быть связано с восприятием неравенства, которое можно понимать с точки зрения двух аспектов: а) воспринимаемое экономическое неравенство; б) воспринимаемое неравенство возможностей.

Воспринимаемое экономическое неравенство может быть определено как индивидуальное представление о том, как общество распределяет между своими членами доходы и богатство, относительно того, что характеризует равноправное общество [Kim, Huh, Choi, Lee, 2018]. Для того, чтобы оценить восприятие экономического неравенства, респондентам предложено отметить, в какой степени они согласны или не согласны со следующим утверждением: «Различия в доходах в стране слишком большие?». Ответы включали оценку по пятибалльной шкале от «Полностью согласен» (перекодировано как 5) до «Категорически не согласен» (1).

Воспринимаемое неравенство возможностей относится к представлению человека о различиях между тем, как система должна работать и как она на самом деле работает [Kim, Huh, Choi, Lee, 2018]. В справедливом обществе люди верят, что у каждого человека есть шанс добиться успеха, основанного на индивидуальных заслугах. Когда люди считают, что успех находится вне контроля человека или его усилий, они склонны воспринимать свое общество как несправедливое и неравноправное. Воспринимаемое неравенство возможностей определялось как восприятие того, насколько шансы человека на успех связаны с такими характеристиками, как социально-экономическое происхождение. Участников обследования спросили: а) «Насколько важно быть выходцем из богатой семьи?»; б) «Насколько важно иметь хорошо образованных родителей?»; в) «Насколько важно знать нужных людей?»; г) «Насколько важно иметь политические связи?». Респонденты оце-

¹ The International Social Survey Programme. URL: <http://www.issp.org/> (access date: 05.02.2024).

нили эти вопросы по 5-балльной шкале в диапазоне от «Существенно» (1) до «Совсем не важно» (5). Ответы были перекодированы так, чтобы более высокие баллы соответствовали более высокому уровню воспринимаемого неравенства возможностей. Воспринимаемое неравенство возможностей рассчитывалось для каждого участника путём усреднения его ответов на каждый из четырёх вопросов (Альфа Кронбаха = 0,669). Подобный подход был использован в нескольких исследованиях [Fong, 2001; Linos, West, 2003; Kim, Huh, Choi, Lee, 2018; Kim, Lee, 2018; Kambayashi, Lechevalier, Jenmana, 2020].

Воспринимаемое экономическое неравенство и воспринимаемое неравенство возможностей являются порядковыми мерами: более высокие баллы соответствуют большему восприятию неравенства.

Ожидается, что восприятие неравенства приведёт к увеличению предпочтения политики перераспределения.

Индивидуальные демографические и социально-экономические характеристики

Был рассмотрен набор характеристик индивидуального уровня, которые изучались в качестве детерминант предпочтения политики распределения в других исследованиях. Демографические переменные включали *пол* (мужской/женский); *возраст* (18–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60 и старше); *семейное положение* (состоящие в браке — зарегистрированном и незарегистрированном; одинокие — никогда не состоявшие в браке, вдовы, разведённые). В соответствии с *уровнем образования* респонденты были распределены по трём группам: те, кто имеют среднее общее образование или ниже, вошли в первую группу; имеющие начальное или среднее профессиональное образование или неполное высшее были отнесены ко второй группе; а имеющие высшее профессиональное образование или выше составили третью группу. *Тип занятости* включал две категории: занятые и незанятые.

Информация о *социально-экономическом статусе* (СЭС) респондентов была получена из ответа на вопрос о том, какое, по их мнению, они занимают положение в обществе по десятибалльной шкале, где 1 означает низкое, а 10 — высокое социальное положение

Также были рассмотрены такие индивидуальные характеристики, как *религиозность* (частота посещения религиозной службы — от посещающих несколько раз в неделю (1) до никогда не посещающих (9)) и *политические убеждения*. Для измерения политических убеждений были созданы две фиктивные переменные: «левая политическая принадлежность» кодируется как 1, если респонденты голосовали за «левых» или «левоцентристов»; и «правая политическая принадлежность» кодируется как 1, если респонденты голосовали за «правых» или «правоцентристов».

Анализ состоял из двух этапов. На первом получены описательные статистики отношения к политике перераспределения, воспринимаемого экономического неравенства и воспринимаемого неравенства возможностей. На втором этапе изучены связи индивидуальных характеристик и предпочтения людей относительно политики перераспределения, а также то, в какой степени воспринимаемое экономическое неравенство и неравенство возможностей влияют на отношение к политике перераспределения. В связи с тем, что зависимые переменные являются порядковыми, т.е. ранжируются в определённом диапазоне (например, от 1 до 5), статистический анализ проведён с помощью порядковых моделей логистической регрессии.

Результаты

Полученные результаты позволили установить, что подавляющее большинство россиян полагают, что правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах: 25,1% «согласны» и 67,9% «полностью согласны» (табл. 1). Аналогично, большая часть опрошенных поддерживает политику налогообложения для богатых: 23,9% согласны с тем, что богатые должны платить «больше» налогов и 60,9% «намного больше». 91,5%

опрошенных полагают, что различия доходов в России кажутся слишком большими: 18,3% с этим «согласны» и 73,2% — «полностью согласны» (табл. 1). Это практически столько же, сколько предпочитает государственное вмешательство в сокращение неравенства.

Таблица 1

Предпочтение государственной политики перераспределения и восприятие экономического неравенства, %

	Категорически не согласен	Не согласен	Не интересуется	Согласен	Полностью согласен	Всего	Среднее значение
Различия в доходах в стране очень велики	2,3	3,3	2,9	18,3	73,2	100	4,567
Правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах	1,5	2,1	3,4	25,1	67,9	100	4,559
	Намного меньше	Меньше	Столько же	Больше	Намного больше	Всего	Среднее значение
Люди с высокими доходами должны платить большую часть своих доходов в виде налогов, чем люди с низкими доходами	1,0	1,6	12,6	23,9	60,9	100	4,420

Источник: расчёты автора.

Восприятие неравенства возможностей ниже, чем восприятие экономического неравенства: средний уровень воспринимаемого экономического неравенства равен 4,567, в то время как средний уровень воспринимаемого неравенства возможностей — 3,120 (табл. 2). Наиболее распространённый вид неравенства возможностей — необходимость знать нужных людей (86,4% респондентов считают это условием для достижения успеха). На втором месте — необходимость иметь образованных родителей (69%).

Таблица 2

Восприятие неравенства возможностей, %

	Восприятие неравенства возможностей			
	Насколько важно быть выходцем из богатой семьи?	Насколько важно иметь хорошо образованных родителей?	Насколько важно знать нужных людей?	Насколько важно иметь политические связи?
Совсем не важно	13,1	9,8	3,1	13,4
Не очень важно	25,2	21,2	10,6	26,3
Довольно важно	23,5	28,2	24,8	20,6
Очень важно	24,9	29,7	35,9	24,1
Существенно	13,3	11,1	25,7	15,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее значение	3,000	3,112	3,705	3,022
	3,120			

Источник: расчёты автора.

В табл. 3 представлены результаты порядковой логистической регрессии отношения населения к государственному вмешательству в сокращение разрыва в доходах между богатыми и бедными, а также к прогрессивному налогообложению.

Фактор восприятия экономического неравенства в 2,5 раза повышает вероятность поддержки ответственности правительства за перераспределение (OR=2,507 CI:2,202–2,855), в то время как фактор восприятия неравенства возможностей — лишь в 1,2 раза (OR=1,218 CI:1,073–1,382). Что касается индивидуальных экономических и социально-демографических факторов, СЭС, возраст, семейное положение, то они тесно связаны с поддержкой политики перераспределения. По сравнению с молодыми людьми в большей степени поддерживают ответственность правительства за сокращение различий в доходах между богатыми и бедными респонденты в возрасте 30–39 лет (OR=1,804 CI:1,275–2,553) и пожилые люди (OR=2,233 CI:1,571–3,174 для тех, кому 50–59 лет, и OR=1,948 CI:1,368–2,774 для тех, кто старше 60 лет). Респонденты с более высоким социальным статусом (OR=0,938 CI:0,881–0,997), состоящие в браке (OR=0,722 CI:0,577–0,905), напротив, менее склонны поддерживать политику перераспределения.

Таблица 3

Результаты порядковой логистической регрессии отношения россиян к государственному вмешательству в сокращение разрыва в доходах между богатыми и бедными и к прогрессивному налогообложению (коэффициенты шансов — OR с 95%-ми доверительными интервалами — CI)

	Правительство несёт ответственность за сокращение различий в доходах		Люди с высокими доходами должны платить большую долю своих доходов в виде налогов, чем люди с низкими доходами	
	OR	CI	OR	CI
Пол (женщины)	1,098	(0,878–1,372)	1,390***	(1,134–1,703)
Возраст				
18–20	1		1	
30–39	1,804***	(1,275–2,553)	1,153	(0,847–1,571)
40–49	1,487*	(1,064–2,079)	1,364*	(1,004–1,852)
50–59	2,233***	(1,571–3,174)	2,724***	(1,963–3,779)
60 и старше	1,948***	(1,368–2,774)	2,668***	(1,906–3,735)
Семейное положение (в браке)	0,722**	(0,577–0,905)	1,062	(0,865–1,304)
Образование				
низкое	1,235	(0,925–1,650)	1,043	(0,801–1,359)
среднее	1,134	(0,869–1,480)	1,025	(0,803–1,308)
высшее	1		1	
Занятость (заняты)	1,038	(0,808–1,332)	0,918	(0,728–1,157)
СЭС	0,938*	(0,881–0,997)	0,956	(0,904–1,012)
Религиозность	0,992	(0,931–1,058)	1,080**	(1,018–1,145)
Левые политические убеждения	1,355	(0,901–2,038)	1,389*	(1,000–2,023)
Правые политические убеждения	0,931	(0,728–1,190)	0,979	(0,781–1,228)
Воспринимаемое экономическое неравенство	2,507***	(2,202–2,855)	1,381***	(1,236–1,543)
Воспринимаемое неравенство возможностей	1,218***	(1,073–1,382)	1,124*	(1,002–1,261)

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,00$.

Источник: расчёты автора.

Важными предикторами поддержки повышения налогов для богатых оставались восприятие экономического неравенства (OR=1,381 CI:1,236–1,543) и восприятие неравенства возможностей (OR=1,124 CI: 1,002–1,261). Пол, возраст, религиозность, политические убеждения тесно связаны с предпочтением прогрессивного налогообложения. Женщины в большей степени соглашались с такой политикой по сравнению с мужчинами (OR=1,390 CI:1,134–1,703); чем старше респонденты, тем больше они поддерживают политику прогрессивного налогообложения (OR=2,668 CI:1,906–3,735 для тех, кто старше 60 лет, и OR=2,724 CI:1,963–3,779 для респондентов в возрасте 50-59 лет). Чем меньше религиозность (измеряемая частотой посещения религиозных служб), тем больше предпочтения для повышения налогов для богатых (OR=1,080 CI:1,018–1,145). Имеющие левые политические убеждения с большей вероятностью поддерживают политику прогрессивного налогообложения (OR=1,389 CI:1,000–2,023). Связь между СЭС и поддержкой повышения налогов для богатых оказалась статистически незначимой.

Обсуждение

Исследование позволило выяснить, что подавляющее большинство опрошенных россиян считают различия в доходах в России слишком большими и согласны с утверждением, что правительство несёт ответственность за сокращение экономического неравенства (соответственно, 91,5 и 93%). Однако, хотя люди и понимают, что их страна экономически неравна, и признают роль государства в уменьшении различий в доходах, они не обязательно поддерживают конкретную политику перераспределения — поддержка повышения налога на богатых немного меньше поддержки большего государственного вмешательства (84,8%). Это соответствует результатам, полученным, например, во Франции, в то время как в США наблюдалась большая поддержка налогообложения богатых [Kambayashi, Lechevalier, Jenmana, 2020]. По мнению исследователей, перевод недовольства неравенством в требование более прогрессивной налоговой схемы ниже в обществах, в которых не так много видимых связей между суммой уплаченных налогов и социальными льготами [Kambayashi, Lechevalier, Jenmana, 2020].

Полученные результаты подтвердили выводы других исследователей о том, что оба типа воспринимаемого неравенства (т.е. воспринимаемое экономическое неравенство и воспринимаемое неравенство возможностей) тесно связаны с отношением к политике перераспределения (см., например, [Kim, Lee, 2018]): чем сильнее восприятие неравенства, тем больше поддержка политики перераспределения. То есть люди, которые понимают, что общество, в котором они живут, несправедливо и с экономической точки зрения, и с точки зрения возможностей, с большей вероятностью поддерживают действия правительства по снижению различий между богатыми и бедными (см., например, [Corneo, Grüner, 2000; Fong, 2001]).

Выявлены индивидуальные характеристики, определяющие предпочтения людей относительно политики перераспределения.

Установлено, что люди с высоким СЭС менее благосклонно относятся к роли государства в политике перераспределения, по сравнению с людьми с низким СЭС. Это согласуется с результатами предыдущих исследований, установивших, что потенциальные бенефициары политики перераспределения (люди с низкими доходами, низким СЭС) с большей вероятностью поддерживают такую политику, (см., например, [Corneo, Grüner, 2000; Fong, 2001; Arts, Gelissen, 2001; Linos, West, 2003; Kim, Huh, Choi, Lee, 2018]).

Однако связь между СЭС и поддержкой прогрессивной шкалы налогообложения зависела от воспринимаемого экономического неравенства и воспринимаемого неравенства возможностей. Когда в модель были включены восприятие экономического

неравенства и восприятие неравенства возможностей, связь между СЭС и отношением россиян к прогрессивному налогообложению утратила свою статистическую значимость. Некоторые исследования, например в Корее, показали, что СЭС, действительно, не объясняет отношение к политике перераспределения [Kim, Lee, 2018]. Одно из объяснений заключается в том, что последствия социальных убеждений относительно неравенства более важно, чем воздействие социально-экономических обстоятельств. Многие россияне считают общество крайне неравным и несправедливым. Они могут поддержать политику повышения налогов для богатых не только потому, что ожидают прямые экономические выгоды от политики перераспределения, но и потому, что верят в возможность такой политики изменить общество к лучшему, создания условий, при которых все люди получат равные возможности добиться успеха [Kim, Huh, Choi, Lee, 2018].

Полученные результаты во многом соответствуют выводам других исследователей, показавших, что женщины, пожилые [Arts, Gelissen, 2001; Buser, Grimalda, Putterman, van der Weele, 2020], имеющие левые политические убеждения [Limanli, 2019; Franetovic, Castillo, 2022], нерелигиозные [García-Valiñas, Fernández-Llera, Torgler, 2007; Limanli, 2019] с большей вероятностью поддерживают политику перераспределения; в то время, как состоящие в браке [Fong, 2001], напротив, менее склонны поддерживать такую политику.

Гендерный разрыв в отношении к политике перераспределения объясняется гендерными различиями в убеждениях и чувствительности к неравенству [Schlesinger, Heldman, 2001]: по сравнению с мужчинами, женщины более склонны к альтруизму и эгалитаризму.

Пожилые люди могут поддерживать политику перераспределения доходов по ряду причин. Например, это может быть связано с различиями поколений в отношении к роли государства. Старшее поколение формировалось в условиях более щедрой системы социального обеспечения и низкого уровня дифференциации населения по доходам, что оставило свой след в сознании людей. К тому же пожилые люди, как правило, имеют ограниченные финансовые возможности и могут пользоваться государственными программами перераспределения доходов для обеспечения себя и своих семей базовыми жизненными потребностями.

Состоящие в браке респонденты с меньшей вероятностью поддерживают роль государства в сокращении экономических различий между богатыми и бедными [García-Valiñas, Fernández Llera, Torgler, 2005]. Это, возможно, связано с тем, что уровень благосостояния супружеских пар, как правило, выше по сравнению с одинокими, и они нередко предпочитают сохранять свои деньги и не поддерживать политику, которая может привести к увеличению налогов или иным способом уменьшить их доходы.

Чем меньше религиозность, тем больше предпочтения для повышения налогов для богатых. Похожий результат был получен, другими исследователями, установившими, что религиозные люди склонны выступать против политики перераспределения в Турции [Limanli, 2019], в Испании [García-Valiñas, Fernández Llera, Torgler, Benno, 2005]. Хотя надо отметить, что эффекты религиозности непоследовательны и варьируют значительно по странам [Buun, 2019]. Некоторые возможные объяснения этой связи могут состоять в том, что религиозные ценности часто подчёркивают значимость благотворительности, что может привести к меньшей поддержке политики перераспределения, такой как более высокие налоги для богатых.

Конечно, у проведённого исследования есть свои ограничения. Во-первых, так как оно основано на перекрёстных данных, нельзя установить причинно-следственные связи. Во-вторых, очевидно, что общественное отношение к политике перераспределения представляет собой сложное социальное явление, связанное с множеством различных факторов, многие из которых не были включены в анализ по причине их отсутствия в базе данных.

Выводы

Полученные результаты позволили сделать ряд выводов.

Во-первых, установлено, что государственная политика по ограничению существующего неравенства пользуется довольно широкой поддержкой россиян. Подавляющее большинство опрошенных (91,5%) указывает, что различия доходов в России кажутся слишком большими. Практически такой же процент людей (93%) согласен с тем, что правительство несёт ответственность за сокращение экономического неравенства. Чуть меньшая часть опрошенных (84,8%) поддерживает введение высоких налогов для богатых.

Во-вторых, доказано, что общественная поддержка политики перераспределения в России может происходить из двух источников: 1) личный интерес, связанный с собственным социально-экономическим или другим состоянием людей; 2) социальные убеждения. Россияне не только поддерживают более выгодную для них политику перераспределения, но и заботятся о её справедливости. Последствия социальных убеждений относительно неравенства более важно, чем воздействие социально-экономического статуса: даже люди с высоким СЭС могут поддержать политику прогрессивного налогообложения, когда они признают значение неравенства.

В-третьих, показано, что среди индивидуальных социально-демографических факторов решающими в процессе формирования отношений к политике перераспределения являются пол, возраст, семейное положение, уровень религиозности, политические убеждения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Миланович Б. (2017). *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. [Milanovic B. (2017). *Global inequality. A new approach for the era of globalization*]. — М: Издательство Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2016). *Капитал в XXI веке*. [Piketty T. (2016). *Capital in the 21st century*]. — М.: Ад Маргинем.
- Стиглиц Д. (2015). *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. [Stiglitz D. (2015). *The price of inequality. How does the stratification of society threaten our future?*]. — М: Эксмо.
- Alesina A., La Ferrara E. (2005). Preferences for redistribution in the land of opportunities // *Journal of Public Economics*. Vol. 89. Iss. 5–6. Pp. 897–931.
- Alm J.R., Torgler B. (2006). Culture differences and tax morale in the United States and in Europe // *Journal Economic Psychology*. Vol. 27. Pp. 224–246. DOI: 10.1016/j.joep.2005.09.002.
- Arts W., Gelissen J. (2001). Welfare states, solidarity and justice principles: Does the type really matter? // *Acta Sociologica*. Vol. 44. Is. 4. Pp. 283–299. DOI: 10.1177/000169930104400.
- Blekesaune M., Quadagno J. (2003). Public attitudes toward welfare state policies: A comparative analysis of 24 nations // *European Sociological Review*. Vol. 19. Is. 5. Pp. 415–427. DOI: 10.1093/esr/19.5.415.
- Buser T., Grimalda G., Putterman L., van der Weele J. (2020). Overconfidence and gender gaps in redistributive preferences: Cross-Country experimental evidence // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 178. Pp. 267–286. DOI: 10.1016/j.jebo.2020.07.005.
- Byun Y. (2019). Government Redistribution and Public Opinion: A Matter of Contention or Consensus? // *International Journal of Sociology*. Vol. 49. Is. 3. Pp. 204–221. DOI: 10.1080/00207659.2019.1605029.
- Corneo G., Grüner H.P. (2000). Social limits to redistribution // *American Economic Review*. Vol. 90. Is. 5. Pp. 1491–1507. DOI: 10.1257/aer.90.5.1491.
- Corneo G., Grüner H.P. (2002). Individual preferences for political redistribution // *Journal of Public Economics*. Vol. 83. Is. 1. Pp. 83–107. DOI: 10.1016/S0047-2727(00)00172-9.
- Fong C. (2001). Social preferences, self-interest, and the demand for redistribution // *Journal of Public Economics*. Vol. 82. Pp. 225–246. DOI: 10.1016/S0047-2727(00)00141-9.
- Franetovic G., Castillo J.C. (2022). Preferences for Income Redistribution in Unequal Contexts: Changes in Latin America Between 2008 and 2018 // *Front Sociology*. Vol. 7. ID 806458. DOI: 10.3389/fsoc.2022.806458.
- Franko W., Tolbert C.J., Witko C. (2013). Inequality, self-interest, and public support for “robin hood” tax policies // *Political Research Quarterly*. Vol. 66. Is. 4. Pp. 923–937. DOI: 10.1177/1065912913485441.
- García-Valiñas M., Fernández Llera R., Torgler B. (2005). More Income Equality or Not? An Empirical Analysis of Individuals’ Preferences for Redistribution // *CREMA Working Paper*. No. 2005-23. Center for Research in Economics, Management and the Arts (CREMA), Basel.
- García-Valiñas M., Fernández Llera R., Torgler B. (2007). Preferences towards redistribution and equality: How important is social capital? // *Research on Economic Inequality*. Vol. 14. Emerald Group Publishing Limited. Pp. 31-47. DOI: 10.1016/S1049-2585(06)14002-8.

- Gijsberts M. (2002). The legitimation of income inequality in state-socialist and market societies // *Acta Sociologica*. Vol. 45. Is.4. Pp. 269–285. DOI: 10.1177/000169930204500402.
- Keefe P., Knack S. (2002). Polarization, politics and property rights: Links between inequality and growth // *Public Choice*. Vol. 111. Is. 1–2. Pp. 127–154. DOI: 10.1023/A:1015168000336.
- Kim H., Lee Y. (2018). Socioeconomic status, perceived inequality of opportunity, and attitudes toward redistribution // *The Social Science Journal*. Vol. 55. Is. 3. Pp. 300–312. DOI: 10.1016/j.soscij.2018.01.008.
- Kim H., Huh S., Choi S., Lee Y. (2018). Perceptions of inequality and attitudes towards redistribution in four East Asian welfare states // *International Journal of Social Welfare*. Vol. 27. Is.1. Pp. 28–39. DOI: 10.1111/ijsw.12266.
- Limanli Ö. (2019). Attitudes Towards Income Inequality in Turkey // *SBF Dergisi*. Vol. 74. Is. 1. Pp. 219–236. DOI: 10.33630/ausbf.523276.
- Linos K., West M. (2003). Self-interest, social beliefs, and attitudes to redistribution: Re-addressing the issue of crossnational variation // *European Sociological Review*. Vol. 19. Iss. 4. Pp. 393–409. DOI: 10.1093/esr/19.4.393.
- McCall L. (2013). *The undeserving rich. American beliefs about inequality, opportunity, and redistribution*. — New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139225687.
- Pittau M.G., Massari R., Zelli R. (2012). Hierarchical modelling of disparities in preferences for redistribution // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. Vol. 75. Is. 4. Pp. 556–584. DOI: 10.1111/j.1468-0084.2012.00703.x.
- Ravallion M., Lokshin M. (2000). Who wants to redistribute? The tunnel effect in 1990s Russia // *Journal of Public Economics*. Vol. 76. Is. 1. Pp. 87–104.
- Kambayashi R., Lechevalier S., Jenmana T. (2020). Decomposing Preference for Redistribution Beyond the Trans-Atlantic Perspective // *Working Papers hal-02796841*. HAL.
- Scheve K., Stasavage D. (2006). Religion and preferences for social insurance // *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 255–286. DOI: 10.1561/100.00005052.
- Schlesinger M., Heldman C. (2001). Gender Gap or Gender Gaps? New Perspective on Support for Government Action and Policies // *Journal of Politics*. Vol. 63. Is.1. Pp. 59–92. DOI: 10.1111/0022-3816.00059.
- Weiner B., Osborne D., Rudolph U. (2011). An attributional analysis of reactions to poverty: The political ideology of the giver and the perceived morality of the receiver // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 15. Is. 2. Pp. 199–213. DOI: 10.1177/1088868310387615.
- Wilkinson R.G., Pickett K.E. (2009). *The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. — London: Penguin.
- Wilkinson R.G., Pickett K.E. (2017). The enemy between us: The psychological and social costs of inequality // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 47. Is. 1. Pp. 11–24. DOI: 10.1002/ejsp.2275.

Кислицына Ольга Анатольевна

olga.kislitsyna@gmail.com

Olga Kislitsyna

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

olga.kislitsyna@gmail.com

PERCEPTIONS OF INEQUALITY AND ATTITUDES TOWARDS INCOME REDISTRIBUTION POLICIES IN RUSSIA

Abstract. Economic inequality is a fundamental social problem. Government's policies to redistribute income can mitigate growing economic inequality through taxes and social transfers. However, attempts to introduce alternative tax schemes regularly face significant political resistance. This study tries to answer the following questions: (i) What do Russians think about economic inequality, inequality of opportunity, and the role of government in mitigating problems associated with inequality? (ii) What individual characteristics determine people's preferences regarding government's redistributive policies? (iii) How are perceptions of economic inequality and inequality of opportunity related to people's attitudes toward government's redistributive policies? Data from the Social Inequality Module of International Social Survey Program (ISSP) conducted in 2019 were used. Statistical analysis was performed using ordinal logistic regression models. The results allowed us to draw a number of conclusions. Firstly, it has been established that government's policy to limit existing inequality enjoys fairly broad support among the population. Secondly, it has been proven that public support for redistribution policies in Russia can come from two sources: 1) personal interest related to people's own socio-economic or other condition; 2) social beliefs. The consequences of social beliefs about inequality may be more important than the effects of socio-economic status (SES): even people with high SES may support progressive tax policies when they recognize the importance of inequality. Thirdly, it is shown that among individual socio-demographic factors, the decisive ones in the process of forming attitudes towards redistribution policies are gender, age, marital status, level of religiosity, and political beliefs.

Keywords: *inequality, social policy, public opinion, redistribution policy preferences, government responsibility, International Social Survey Programme (ISSP), Russia.*

JEL: D63, H23, H53, I31.